

То, что произошло дальше, совершенно не укладывалось у меня в голове.

Цинь Хуань легко запрыгнул на крышу. Он снова стал выглядеть обычно, а голос по мере приближения становился всё более ласковым. Но окровавленный меч в руке превращал эту мирную картину в нечто чудовищное.

Сделав несколько шагов назад, я прижал к себе Мо Чэ, чьё тело стремительно остывало. Я не сводил глаз с оружия в руках Цинь Хуаня и с тела Гун-попо, оставленного в нескольких шагах позади него.

Заметив, что я пытаюсь отстраниться, Цинь Хуань остановился. Прищурившись, он мягко улыбнулся:

— Ты напуган?

«Твои слова пугают меня куда сильнее», — мелькнуло в голове.

Я замер, настороженно следя за каждым его движением.

Цинь Хуань покачал головой и, встретившись со мной взглядом, опустил меч, пряча его за спину.

— Ты ведь думаешь, — тихо произнёс он, — что я причинил вред людям в лечебнице? И что я убил Гун-попо?

«Конечно, после такого зрелища трудно думать иначе».

Поколебавшись, я всё же честно кивнул.

Пользуясь моим замешательством, Цинь Хуань подошёл ближе и легонько коснулся моего лба.

— Глупая ты голова... Неужели тебя так легко ослепить видимостью?

— Ослепить... видимостью? — непонимающе переспросил я.

Я забыл, что нужно бежать. Инстинктивно я лишь прикрыл собой потерявшего сознание Мо Чэ. Его холодный пот пропитал мою одежду на плече, а губы при слабом свете казались мертвенно-бледными.

Цинь Хуань привычным жестом погладил меня по лбу, но в его взгляде не было прежнего тепла — лишь неподвижная, как застоявшаяся вода, тишина.

— То, что видят глаза, не всегда истина. Люди коварны. Настолько, что ты никогда не поймёшь, где правда, а где ложь. Глаза умеют обманывать.

«Глаза обманывают?»

После этих слов в голове всё окончательно спуталось. Наверное, такова человеческая природа — до последнего верить в лучшее. Я начал искать оправдания. В голове зароились догадки, одна другой благороднее, мгновенно вытесняя подозрения. Никто не хочет верить в самое худшее.

И я не был исключением.

Наконец, набравшись храбрости, я осторожно спросил:

— Значит... Гун-попо и остальные... это не ты?..

— Это я, — оборвал он меня.

Его лицо осталось бесстрастным, как опавший лист.

— Ложь бывает истинной, а истина — лживой. Я же говорил: люди коварны.

«Пока мы живы, нас окружает ложь. И даже умирая, мы не познаём правды».

Оцепенев, я резко отпрянул. Хотел взлететь, но вдруг вспомнил, что Шпильки Управления Ветром при мне нет — и я понятия не имел, где Мо Чэ её спрятал. Без неё я был заперт здесь, лицом к лицу с Цинь Хуанем, чей взгляд потерял былую чистоту.

Цинь Хуань медленно опустил руку, оставшуюся висеть в воздухе, и печально улыбнулся:

— Сяо Байлянь, ты ведь говорил, что мы друзья?

Я не ожидал этого вопроса и не знал, к чему он клонит.

— Не ответишь? Что ж, сочту это за согласие, — он поднял голову к тёмному небу. — Друзья... Я долго пытался понять, что это вообще такое. Очень долго.

— После смерти родителей нам с сестрой некуда было идти, мы скитались по городам, и у меня никогда не было друзей. Ню Цянь стал мне как старший брат, когда я попал в крепость. Он заботился о нас. И Цзя Юн... он любил мою сестру, поэтому относился ко мне очень хорошо. Пять лет мы называли друг друга братьями.

Он посмотрел на меня и кивнул своим мыслям.

— Тогда я был счастлив. Мне нравились люди из крепости Байхуэй... Раньше нравились.

— Раньше? — не удержался я.

— Именно, — в его глазах мелькнула тень, холодная, как запекшаяся кровь на клинке. — Раньше.

— Нью Цянь и Цзя Юн... Неужели они тоже... — я не договорил, но подозрение жгло изнутри.

Цинь Хуань крепче сжал рукоять меча, потом расслабил пальцы.

— В тот день у дома господина Вана, когда ты ушёл, людей из Крепости Байхуэй схватили. Всех, включая Нью Цяня и Цзя Юна.

«Странно. Если их схватили, почему на следующий день Нью Цянь был дома и ни словом об этом не обмолвился?»

— Я успел сбежать к сестре, чтобы предупредить её, — продолжал Цинь Хуань. — Но те твари уже выследили меня. Они пришли следом.

Я мог только слушать.

— Та женщина не убила нас сразу. Она долго истязала нас, а потом... подвесила мою сестру и заставила нас всех раздеться. Она приказала... изнасиловать её.

В глазах Цинь Хуаня вспыхнуло яростное пламя.

— Вся их честь, вся братская верность... Ради того, чтобы вымолить себе лишний вздох, эти мужчины, не колеблясь, пошли осквернять невинную женщину. Проклятый Цзя Юн... он был среди тех скотов. А Нью Цянь... он был единственным, кто, кроме меня, отказался склонить голову.

Цинь Хуань задрожал от неистовой ненависти. Это воспоминание лишало его рассудка.

— Но он оказался ещё свирепее. Когда та женщина схватила Сяо Луна и сказала Нью Цяню выбрать: лишиться мужского достоинства или жизни ребёнка... он выбрал второе.

Мне нечего было сказать. Я не мог поверить в этот кошмар. Если всё это правда, то убивали не демоны, а...

Его сестра... маленький ребёнок... Они погибли от рук тех, кого называли «друзьями».

Внезапно ярость на лице Цинь Хуаня угасла, сменившись горькой усмешкой.

— Смешно... Я называю их скотами, а сам... разве я лучше?

— Цинь Хуань...

— Сяо Байлянь, — выдохнул он, обрывая меня, — есть кое-что, что я давно хотел тебе сказать.

Наши взгляды снова встретились. Но теперь в его глазах не было ни спокойствия, ни тепла — только зияющая пустота, смешанная с презрением.

— Я ненавижу тебя.

Это были его первые слова.

Ночь, хрупкая и болезненная, окутала нас своим мраком. Ветер свистел в щелях неплотно закрытых окон, жалобно поскрипывая ставнями. Всё вокруг плыло. Тусклый свет фонаря дрожал, словно увядающий цветок, готовый вот-вот исчезнуть.

Тело Мо Чэ было ледяным. И моё сердце тоже.

— Ненавижу твой вечный вид невинного дурачка, который лезет со своими утешениями. Ненавижу твою глупость — ты ведь веришь, что всё в мире происходит само собой. Ненавижу тебя за то, что ты, называя меня другом, в миг опасности выбрал другого и бросил меня на произвол судьбы...

«Бросил тебя?»

Я вскинул голову. Он горько рассмеялся:

— Что? Забыл? В ту ночь я ждал тебя у поместья, боялся, что ты в беде. А потом увидел... Увидел, как мой «друг» подвергается опасности, и как те, кто на словах был героями, молили демонов о пощаде, пресмыкаясь в грязи. Я не мог их винить — тогда я и сам едва держался за жизнь.

— До последнего, пока меня истязали, я по-детски верил, что ты вернёшься за мной. Но ты... ты просто забыл о моём существовании, — его улыбка стала болезненной. — Ты мог спокойно жить дальше, притворяясь, что ничего не случилось. Но я не мог. Скажи честно... ты ведь даже не собирался меня искать?

Я молчал. В носу нестерпимо закололо, а глаза застлали слёзы.

Ветер растрепал мои волосы, мешая смотреть. На мгновение мне показалось, что это лишь дурной сон. Нужно только закрыть глаза — и всё исчезнет. Но как бы сильно я ни зажмурился, открыв их, я снова видел его лицо и эту невыносимо одинокую, жестокую улыбку.

Я совсем забыл, где нахожусь, пока меч Мо Чэ не начал пульсировать алым светом. Вздвогнув, я огляделся.

На крышах соседних домов, повсюду вокруг нас, уже собрались тени. Демоны окружили нас, не сводя жадных взглядов с меня и раненого Мо Чэ.

<http://bllate.org/book/17534/1705899>